

НЕБО НАД ПРОПАСТЬЮ

ИРИНА ДЕНИСОВА

Ирина Денисова

Небо над пропастью

<https://litres.ru/73985578>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детская дружба обернулась предательством. Поездка в Москву — изгнанием и гибелью всех надежд. Девочка из бедной семьи проходит через нищету, насилие и клевету, чтобы однажды восстать из пепла.

Убежищем становится лес, а наставником — старый знахарь. Он открывает ей силу древних слов и трав, теперь в ее руках власть исцелять и разрушать.

Но цена дара оказывается слишком высокой.

Спустя годы она возвращается в Москву — успешная, неузнаваемая, опасная. Под маской хозяйки элитного салона «Лёд и Пламя» скрывается женщина, готовая на всё. Но на пути к мести она встречает тех, кто заставляет ее выжженное сердце биться снова.

Сможет ли Рита разорвать круг ненависти? Или прошлое навсегда останется для нее пропастью, над которой не видно неба?

«Небо над пропастью» — глубокая драма о боли и прощении, о поиске себя и обретении внутреннего света. Роман понравится поклонникам сильных женских характеров,

мистического реализма и историй, от которых невозможно оторваться до самой последней страницы.

Содержание

Глава 1. Песочница	5
Глава 2. Качели	19
Глава 3. Школа	31
Глава 4. Синий чулок	53
Глава 5. Вещие сны	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Небо над пропастью

Глава 1. Песочница

Ласковое майское солнце заливало светом дворы и скверы, будто извиняясь за затяжную хмурую и снежную зиму. Последний месяц весны дышал теплом, обещая скорую летнюю изнуряющую жару.

В глубине двора, между четырьмя одинаковыми серыми пятиэтажками, стоявшими правильным прямоугольником, пряталась детская площадка. О ней знали только местные. Маленькая горка, тяжелые качели на железных цепях, песочница, пружинные качалки, веревочные лестницы — все, что нужно для детского счастья.

Две девочки сосредоточенно орудовали лопатками в песочнице, наполняя розовое пластиковое ведро желтым сыпучим песком. Им явно нравилось играть вместе, они улыбались друг другу и лишь изредка поглядывали на скамейку под раскидистой плакучей ивой.

На скамейке чинно сидели две женщины и вели неспешный разговор. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, кто из девочек чья дочь.

Черноглазая пухленькая Лиза походила на уменьшенную копию Ирины Евгеньевны — те же карие глаза, круглое розовощекое лицо, темные прямые волосы, подстриженные в

аккуратное каре. Лиза охотно делилась с подружкой игрушками, протягивая одну за другой лопатки, грабельки, формочки из набора для песочных пирожных.

Рита, светленькая худышка с едва заметными веснушками, рассыпанными по остроносому личику, принимала их с благодарным интересом. Золотистые кудряшки лезли ей в глаза, и она то и дело смахивала их со лба, отвлекаясь от увлекательной игры. Сходство Риты с сидевшей на скамейке Еленой Ивановной тоже было несомненным.

Девочки, не сговариваясь, принялись строить песочный замок. Лиза с упоением возводила ступеньки, Рита взялась за башенки.

— Чудесная погода нынче, правда? — Ирина Евгеньевна повернулась к Ритиной маме. — Такое теплое майское солнце.

— Да, такого мая давно не было, — легко согласилась та. Женщины часто виделись во дворе, но разговаривали впервые. От погоды перешли к детям.

— Я своей дочке всегда говорю: делись игрушками с другими детками, — с мягкой улыбкой произнесла Ирина Евгеньевна. — Стараюсь, чтобы Лиза росла доброй и отзывчивой девочкой. Внушаю: не у всех, мол, есть возможность покупать дорогие вещи, надо делиться с теми, кому повезло меньше.

Она говорила искренне, не замечая, как на скулах Елены Ивановны проступили пятна румянца. Та выпрямила спину,

голос ее прозвучал ровно, даже сухо:

— Что ж, это правильно. Только нам, слава богу, есть с чем играть. Своих игрушек хватает.

Ирина Евгеньевна чуть склонила голову к плечу и, смягчая слова доброжелательным тоном, заметила:

— Я и не сомневалась. Но согласитесь, возможности у всех разные. Не у каждой девочки папа — директор камвольного комбината.

Повисла короткая тишина. Елена Ивановна медленно перевела взгляд на песочницу, где Рита как раз примеряла башенку из песка.

— Так это ваш муж — наш директор? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да, Игорь Владимирович. А вы на комбинате работаете?

Елена Ивановна кивнула, выражая согласие. Она поднялась — не резко, но решительно, одернула юбку и подошла к песочнице.

— Рита, идем домой.

Девочка подняла голову, не выпуская формочку.

— Мам, ну мы еще не построили...

— Я сказала — домой.

Рита захныкала. Она не хотела покидать песочницу и оставлять подружку, но мать уже крепко взяла ее за руку.

Ирина Евгеньевна подошла следом. В ее голосе слышалась растерянность, почти обида:

— Зачем же вы так? Мы в одном дворе живем. Девочки подружились, им нравится играть вместе. Могли бы и мы соседски общаться.

Елена Ивановна на мгновение задержала на ней взгляд — усталый и холодный.

— У нас разные дороги. Они не пересекаются.

Она потянула дочь за собой. Рита, обернувшись, помахала Лизе перепачканной в песке ладошкой. Лиза помахала рукой в ответ.

Ирина Евгеньевна осталась стоять у скамейки. Когда Елена Ивановна с дочерью скрылись за углом дома, она медленно опустилась на прежнее место. Пальцы машинально теребили ремешок сумки.

— Лиза, собирай игрушки. Пора ужинать.

Послушная Лиза быстро собрала свои лопатки с ведерками и подбежала к маме. Она обожала свою мамочку, вкусно пахнущую французскими духами. Взяв ее за руку, девочка послушно последовала за ней по направлению к своему подъезду.

Дома Ирина Евгеньевна прошла на кухню, где домработница Люся уже чистила овощи. Оглядела запасы в холодильнике и, помедлив, распорядилась приготовить на ужин запеченное мясо с овощами, фаршированные грибами яйца и зелёный салат. Когда Люся уже накрывала на стол, хозяйка задержала на нем взгляд и, чуть поколебавшись, достала из холодильника банку черной икры — «гостевую», приберега-

ему для особых случаев.

— Поставь в хрустальной вазочке, — сказала она. — И бокалы достань.

Люся удивилась, но спрашивать не стала. Сначала, чтобы не забыть, приготовила жареную картошку и котлету для Лизы, а уже затем постелила на стол праздничную скатерть.

Потом аккуратно переложила икру, стараясь не потерять ни икринки, поправила салфетки. В середине стола появились бутылка болгарского «Мавруда» и два хрустальных бокала.

Ирина Евгеньевна отошла к окну и стала смотреть во двор. Скамейка под ивой пустовала. Двор затихал. Только старухи у соседнего подъезда продолжали перемывать кому-то косточки.

Она простояла у окна до тех пор, пока в арке не показалась служебная «Волга» мужа. Игорь Владимирович вышел из машины — высокий, широкоплечий, с тяжелым портфелем. Ирина Евгеньевна поправила прическу и пошла открывать дверь.

— Устал, дорогой? — заботливо спросила она, коснувшись губами щеки мужа, и принимая из его рук портфель. — Раздевайся и проходи, сейчас будем ужинать.

Увидев богато накрытый стол, муж удивленно поднял брови:

— Мы что, гостей ждем? Или я забыл про памятную дату?

— Просто хороший семейный ужин. Почему бы и нет?

Лиза быстро управилась с жареной картошкой и котлетой, оставив икру и салат нетронутыми, и убежала в свою комнату с десертной тарелочкой из сервиза «Мадонна».

Взрослые ели молча. Муж, закончив трапезу, удовлетворенно откинулся на спинку стула и произнес:

— Необыкновенно вкусно, Ирина. Спасибо! Мясо отменное.

Ирина Евгеньевна разлила вино.

— Игорь, — начала она ровным, будничным тоном, но пальцы крепко сжимали ножку бокала, — я очень уважаю тебя и ценю, и не только я, но и добрая половина населения нашего города.

Муж удивленно посмотрел на нее:

— Ирина, к чему такие церемонии? Ты чего-то хочешь? Может быть, сразу выложишь карты на стол?

— Хочу! — с вызовом ответила Ирина Евгеньевна. — Хочу получить ответ на вопрос, когда мы наконец переедем в квартиру, соответствующую твоему положению? Чтобы нашей дочери не приходилось выслушивать во дворе всякое.

— А что с нашей квартирой не так? Четыре комнаты, центр города. Что произошло? И кто, собственно, вам сегодня успел нахамить? — он смотрел на нее с усталым недоумением.

— Да не то что нахамил, просто меня задели слова этой женщины.

Муж слушал, не перебивая. Ирина Евгеньевна пересказа-

ла разговор на скамейке. Старалась говорить спокойно, но к концу рассказа в голосе прорвалась давняя, копившаяся горечь.

— Я просто заговорила с ней. Я хотела по-человечески. А она... Словно я ее оскорбила. Схватила девочку за руку, не дала им с Лизой поиграть. Дочка расстроилась.

Муж покрутил бокал в пальцах.

— Ты на комбинате-то ее раньше видела? Кто она?

— Не знаю. Сказала, что работает у тебя.

— Ну, может, и работает, откуда мне знать? — он пожал плечами. — Ирина, зачем ты вообще с ней заговорила? Сидела бы отдельно, и дело с концом.

— Так ведь лето скоро, — вздохнула она. — С дочкой гулять выходим. Не сидеть же нам дома, или обходить стороной всех твоих работников.

Игорь Владимирович отпил вина и, помолчав, произнес примирительно:

— Ладно, не бери в голову. Вопрос с жильем решается. А ты пока постарайся не заводить с работницами душевных разговоров. Так всем спокойнее.

Он ушел в кабинет. Ирина Евгеньевна еще долго сидела за столом, глядя на нетронутую черную икру в хрустале.

Елена Ивановна с Ритой зашли в комнату, плотно прикрыв за собой дверь. В коммунальной квартире вечером гудели соседские голоса, на кухне звенела посуда.

— Переодевайся и марш в постель.

Рита стянула платице, забралась под одеяло. Елена Ивановна села на край кровати, глядя в стену. Перед глазами стояла улыбка Ирины Евгеньевны — мягкая, снисходительная улыбка сытого человека, который искренне не понимает, почему его доброта может ранить.

Они жили в двух маленьких смежных комнатах вместе с бабушкой. Всего в квартире было шесть комнат и одно место общего пользования. «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная», к которой по утрам выстраивалась очередь.

Мама всегда нервничала, что Рита не успеет умыться и вовремя одеться и собраться в садик. Она рано ложилась спать и рано вставала, торопясь на смену. Работала она на камвольном комбинате, почти единственном и самом крупном предприятии в городе.

Утром большие железные ворота предприятия широко открывались, пропуская и затем проглатывая толпу одинаково хмурых и одинаково серых рабочих, торопившихся к своим станкам. Монстры-станки ждали свою обслугу, чтобы загнать их в кабалу унижительной и монотонной работы по загрузке бобин, по присучиванию нитки, по расточке металлических деталей.

Поначалу, в самые тяжелые и безрадостные годы Елена Ивановна проклинала судьбу и считала, что производство забирает у нее все — молодость, красоту, здоровье, время. Ее выводили из себя грохочущие станки, нескончаемые бобины, раздражала вечная вибрация под ногами.

Теперь, после многих лет каторжного труда, она была передовиком и единственной женщиной-мастером среди мужчин. Но останавливаться не собиралась: мечтала о начальственном кабинете, подальше от шумных цехов.

Она готова была работать ещё упорнее, лишь бы когда-нибудь пересесть из цеха в кабинет, шла к своей приближающейся цели и ненавидела все, что мешало ей строить успешную карьеру, считаться первой и лучшей.

А больше всего она ненавидела руководство, прибывавшее на службу в черных «Волгах» с персональными водителями. Но в этом она не призналась бы даже себе.

И надо же так случиться, что сегодня в своем дворе на скамейке она столкнулась с женой директора. И Рита, как назло, выбрала в подружки именно ее дочь.

Она посмотрела на девочку и скомандовала:

— Давай уже закрывай глаза и спи! Мне завтра рано вставать.

— Мам, — тихо позвала Рита из-под одеяла. — А мы завтра пойдем гулять?

— Пойдем. Спи.

— А Лиза там будет?

— Спи, кому говорят. И не надо тебе с ней дружить и брать ее игрушки, мы с тобой бедные, но гордые. Подачек не принимаем.

Елена Ивановна погасила свет и вышла на кухню. Поставила чайник на плиту. Бабушка возилась в углу с вязанием.

— Чего ты сегодня такая злая? — спросила она, не поднимая глаз.

— На работе устала.

Елена Ивановна заварила чай и села к окну. За стеклом, в кухонном дворике, мужики еще забивали «козла» под тусклой лампочкой. Завтра в полшестого вставать, к семи — на смену. Ворота комбината откроются и проглотят толпу рабочих, спешащую к станкам.

Среди этой толпы завтра снова будет она. Мастер Елена Ивановна, передовик производства. Бедная, но гордая — словно эти понятия что-то значат, когда твоя дочь машет перепачканной ладошкой девочке из другого мира.

Она отхлебнула чай. Обожгла губы. Выругалась про себя.

В соседней комнате Рита, засыпая, вспоминала песочный замок. Они с Лизой так и не достроили главную башню. И еще она вспомнила то, что причиняло ей каждодневную боль: как мама сдает ее утром в ясли-садик. Рита не хочет идти в группу к другим детям, она боится и плачет.

Сердечко гулко бьется в груди, пытаюсь выпрыгнуть и убежать, лишь бы не сжиматься от липкого тягучего страха, что ее сейчас бросят, оставят здесь одну.

— Мама, мамочка, возьми меня с собой, — тянется Рита к ней, изо всех сил вцепляясь в подол, пытаюсь как можно лучше произнести любимое слово «мама».

Ворота детского садика разделяют ее с самым дорогим человеком в ее жизни, она каждый раз жутко боится, что мама

исчезнет навсегда, и никогда больше не вернется.

Мама с честью выдерживала ежедневную маленькую войну в детсадовской раздевалке, и каждый раз говорила:

— Не могу тебя забрать с собой, дочка, я иду на работу. Веди себя хорошо, а вечером за тобой придет бабушка, и вы пойдете домой.

Рита не хочет отпускать ее, маленькими ручонками удерживая полы розового маминого платяца в веселый горошек.

— Не цепляйся за меня! — уже немного злясь, строго говорит мама.

Разжав вцепившиеся в платье маленькие пальчики, и уже убегая, она раздраженно бросает:

— Мне некогда, ты же знаешь! Я живу на работе. Ты уже большая, ты должна понимать, что мама у тебя — передовик производства. Мне нужно много работать.

Рита горько плачет. Разве кто-нибудь может описать боль этого маленького сердечка, бьющегося ровно и счастливо только тогда, когда мама рядом?

Она не понимала, что такое «передовик производства», и с самого детства ненавидела камвольный комбинат. Мечтала только об одном — чтобы мама всегда была с ней рядом.

Вечером, после садика, бабушка забирает ее из группы, берет за руку и ведет домой, рассказывая по дороге, что мама очень занята: после тяжёлой смены ей предстоит то участвовать в конференциях, то выступать на партийных собраниях, то организовывать концерты и массовые мероприятия. Еле-

на Ивановна с юности росла по комсомольской линии, привыкла быть на виду, говорить с трибуны — и начальство это ценило. Быть мастером — не только уважение людей, но и большая ответственность, приходится отвечать не только за себя, но и за других.

Дома, в ненавистой коммуналке, у них общая кухня с соседями. Соседи справа вчетвером живут в одной комнатушке, а соседка слева — старая злыдня, она почти не выходит из своей каморки. Она тоже жила бы вместе с двумя толстыми и противными сыновьями, но, к счастью, один сын уехал на заработки, а другой переселился к очередной подружке. Зато теперь у нее живут три кошки, вечно путающиеся под ногами.

Еще слева живет семья с двумя маленьким детьми, тоже ютятся вчетвером в двух смежных комнатках.

Все соседи отчего-то считали, что Ритина семья живет в настоящих хоромах, ведь их всего трое, а не четверо, как в других, нормальных семьях.

Справедливости ради надо отметить, что квартира никогда не казалась Рите убогой — у них стоял собственный стол на кухне, застеленный клеенкой, и был даже электрический чайник. У чайника были круглые металлические бока, в которые можно смотреться, как в зеркало, и пестрый потертый длинный шнур с черной вилкой.

По очереди с соседями они могли пользоваться газовой плитой, и по выходным бабушка выпекала вкусные пирожки

с творогом. В остальные дни дети ели хлеб с кефиром, или черный хлеб с подсолнечным маслом — лакомство, которое помнят все советские дети.

А вот ванная, объединенная с туалетом, была для Риты настоящим кошмаром и ужасом — огромный унитаз был расположен слишком высоко, и она никак не могла на него залезть. Из горшка она уже выросла, а до унитаза дорости еще не успела. Не доросла она и до жестяного квадратного умывальника-монстра с вертушками-кранами. Ванны у них не было вовсе, но о ней тогда никто и не мечтал.

Рита любила смотреть в окно, выходящее из одной из двух их комнат на дорогу, по которой изредка проезжают грузовики и ходит маршрутный автобус — белый УАЗик, маленький и трясущийся по разбитой дороге. На остановке его ждут люди — одинаково серые, с одинаково согнутыми спинами.

Кухонное окно смотрит во двор — на скамейке под вишней там все время сидят бабушки, знающие все обо всем и обо всех. Им всегда известно, кто куда пошел, кто откуда пришел, кто вчера напился, а кто на днях утонул на озере по пьяной лавочке.

Во дворе соседи выбивают ковры пластмассовой выбивалкой, мужики забивают «козла» за деревянным столом, и все поголовно курят папиросы «Беломорканал» и сигареты «Прима».

А бабушка все время сидит с Ритой, любит ее, нянчит

и поет песни. У них в комнате стоит маленький черно-белый телевизор — настоящая роскошь для того времени. Она очень любит смотреть балет и фигурное катание, настоящий ценитель прекрасного.

Еще бабушка вяжет коврики из старой одежды, разрезая ее на ленточки и превращая в причудливые, с узорами, тряпичные коврики. Бабушкины коврики лежат перед каждой входной дверью в подъезде, и во всех соседних подъездах.

Всем хороша и бабушка, и квартира. Только бы мама почаще бывала дома, а не пропадала на своей ненавистной работе. Это были самые заветные Ритины мечты.

Глава 2. Качели

Прошло больше двух лет до того момента, когда судьба снова решила свести девочек вместе. Сегодня бабушка решила сводить Риту в городской парк, погулять.

Парк Рите очень понравился, большой и зеленый. Она увидела карусель с фигурками разноцветных лошадок и попросила:

— Бабушка, давай, покатаемся?

— Ну, давай. Но я-то на такую лошадь не влезу, давай ты сама, одна покатаешься, — на удивление быстро согласилась бабушка.

Она купила в кассе детский билет на карусель и посадила Риту на лошадку, а сама села на лавочку и достала из пачки любимую папиросу «Беломорканал». Бабушка у Риты всем была хороша, если не считать, что она любила курить всякую гадость, а иногда даже баловалась выпивкой. Сейчас у нее в рукаве была припрятана маленькая бутылочка, называемая в народе «мерзавчиком», и бабушка надеялась с пользой провести свободное время.

Рита радостно оглядывалась по сторонам. И тут на последнем круге, когда карусель уже начала крутиться совсем медленно, собираясь остановиться, Рита повернула голову и увидела Лизу.

Лиза в кружевной синенькой шляпке и в такого же цвета

воздушном платье важно шла по широкой парковой дорожке в сопровождении какой-то дамы.

Лиза тоже ее заметила и подбежала к остановившейся карусели, не обращая внимания на сопровождающую ее женщину. Та что-то кричала, но Рита уже успела слезть с лошади и броситься к Лизе.

— Рита, привет! — весело закричала Лиза и тут же взяла старую подружку за руку.

— Лиза! — обрадовалась Рита и широко заулыбалась. — А почему тебя так долго не было? Где ты была?

— Мы теперь в большом доме живем, переехали с мамой и папой. Нас сюда водитель привез, — объяснила Лиза.

Женщина подошла к ним и спросила:

— Лизонька, ну почему ты так быстро убежала? Я тебе кричала, кричала! Что, подружку встретила?

— Да! Мы в одном дворе раньше жили, помнишь, Тамара?

— Нет, не помню, я же у вас только год работаю, с тех пор, как вы в новый дом переехали.

— Это моя няня! — хвастливо сказала Лиза. — Мы здесь часто гуляем, в парке. А у меня теперь красивый большой дом! И няня есть, и собака! Придешь ко мне в гости, Рита? Я так хочу тебе все показать! Смотри, какая у меня кукла!

Лиза тараторила, стараясь как можно быстрее выложить все новости и ничего не забыть. В руках она держала шикарную куклу с темными уложенными в прическу волосами. На кукле был розовый вязаный костюмчик, свитер и брючки.

Рита глаз не могла отвести от красоты, она казалась не игрушечной, а живой.

— А как ее зовут? — спросила она, всем своим тоном выражая уважение и восхищение.

— Ее зовут просто Ляля. На, возьми, поддержи ее.

Рита замерла от восторга, когда Лиза вручила ей Лялю, и держала ее на руках, как драгоценный хрустальный сосуд, боясь пошевелиться, чтобы не потревожить.

Лиза важно показывала, какая у крошки Ляли сумочка, какие красивые сережки и бусы, и даже позволила Рите покатать малышку на игрушечной коляске.

Няня сказала:

— Вы, девочки, тогда катайте свою куклу по дорожке, а я рядом буду, на скамейке посижу.

Она направилась к скамейке, на которой сидела бабушка, и села на другой краешек деревянного сиденья.

Девочки по очереди катали Лялю по широким аллеям парка.

— А давай, поиграем в доктора? — предложила Лиза. — Как будто бы я врач, а ты ко мне Лялю привела на прием. Давай, бери Лялю на руки и стучись в мой кабинет.

Лиза важно села на скамейке, всем своим видом изображая строгого доктора. Девочки начали занимательную игру в прием у врача. Доктор Лиза быстро выяснила, что у Ляли болит живот и прописала ей лекарство.

— Сходите в аптеку с больной девочкой и купите волшеб-

ные таблетки, — строгим голосом приказала она.

— Хорошо! — легко согласилась Рита. — А можно, мы печеньем будем лечиться?

— Можно! — немного подумав, сказала Лиза. — Только много печенья нельзя, а то снова живот заболит. Купите лекарство и печенье, а завтра снова приходите на прием.

Наигравшись с куклой и поболтав немного, девочки увидели горку и качели. Они оставили Лялю в коляске рядом со скамейкой и наперегонки побежали к горке.

Няня спокойно сидела на скамейке под старым вязом, уткнувшись в разложенную на коленях книгу.

Подружки катались с горки, прыгали, резвились, и счастливо смеялись.

— Пойдем на качели? — предложила бойкая Лиза, когда кататься с горки им уже наскучило.

Тамара на мгновение подняла глаза от ровных строчек, но, увидев, что девочки дружно играют, снова уткнулась в свою книжку.

Старые тяжеловесные качели на мощных железных цепях раскачивались на ветру и скрипели.

Рита быстро вскарабкалась на широкое квадратное сиденье и вцепилась ручками в деревянные поручни. Лиза подошла сзади и начала ее раскачивать.

— Лиза, давай сильнее, еще сильнее! — просила Рита, ей доставляло огромное удовольствие подниматься высоко к небу и оттуда, с небес, смотреть по сторонам, разглядывая

гуляющих по парку людей и растущие вдоль аллей зеленые деревья.

Как же здесь красиво, и какие все счастливые!

Тяжелая конструкция медленно набирала скорость, но зато потом двигалась плавно и безо всяких усилий, раскачиваясь под силой своей тяжести.

Лиза слишком сильно разогнала качели, и Рита, не удержавшись, съехала со скользкого сиденья. Она упала прямо на землю, неожиданно и больно.

Рита еле успела пригнуть голову, поняв, что тяжелая деревянная рама сейчас вернется обратно и со всей силы ударит ее по голове. От испуга она чуть не сравнялась с землей. Хорошо еще, что под ногами оказалась мягкая трава и одуванчики, но она все же сильно ушибла коленку, ударившись об острый камень.

Няня, увидев, что Рита упала, отбросила книгу в сторону и со всех ног кинулась к Лизе.

— Где болит? Что болит? — обеспокоенно спрашивала она, ощупывая девочку с разных сторон.

— Да не я упала, а Рита! Чего ты ко мне привязалась? — раздраженно проворчала Елизавета и оттолкнула ее руку.

Тамара, не обратив внимания на грубость, отряхнула песок с Лизиного платица и набросилась на Риту:

— Ну, кто так качели сильно раскачивает? Чуть не убились обе!

Рита недоуменно смотрела на нее и силилась сказать, что

упала она сама, а просила раскачивать качели Лиза. Но вставить хоть слово в гневную тираду было невозможно.

Лизина воспитательница не унималась и схватила ее за рукав:

— Вот пойдем сейчас, спросим у твоего папы, почему он дочку одну отпускает гулять. Совсем за детьми не смотрят! Далеко ли до беды?

У Риты из глаз потекли слезы.

— У меня нет папы. — Сказала она. — И я одна всегда гуляю, я уже большая.

— Я так и думала! — злобно сказала Тамара. — А мне что, из-за тебя, работы лишиться? Скажут хозяева, что я плохо за их ребенком смотрела!

Она очень дорожила своим местом Лизиной воспитательницы и поэтому сама перепугалась не на шутку.

К ним приближалась бабушка, прищуривая подслеповатые глаза. Няня неодобрительно посмотрела на нее со странным выражением на лице.

Бабушка за это время уже успела вкусить свой тайный напиток, и от нее пахло спиртным, а в зубах она держала излюбленную папиросу «Беломорканал».

— Ритка, ты чего реवेशь? — Грубым и хриплым голосом спросила она, подойдя к месту баталий.

Нянька вытаращила глаза от изумления, поняв, что бабушка явно навеселе, но тут же с места в карьер начала жаловаться.

— Это ваша девочка? Почему вы за ней не смотрите? Она не умеет играть со сверстницами. Уследить за ними невозможно!

— Шла бы ты лесом отсюда, фифа такая, — проворчала бабушка и взяла Риту за руку.

— Нечего здесь порядки наводить! — рявкнула она на няньку.

Тамара смотрела на нее рассерженно и, не выдержав, высказала свое мнение:

— Живете тут в блочных домах, почитай, что в бараках, дети у вас беспризорные, творят, что хотят.

— Так идите в свой дом, где вы там живете, да там и гуляйте, такие нежные, — посоветовала ей бабушка. — А парк, к счастью, общественное достояние. Он для народа, а не только для богатых.

Нянька смотрела на бабушку, едва ли не открыв рот, на ее лице чувство превосходства сменялось гримасой презрения, и она явно не находила слов, чтобы достойно ответить.

Лиза подошла к Рите и тихонько сказала:

— Не бойся, я завтра уговорю няню, мы снова придем сюда, в парк, и ты приходи. Хорошо? С Лялей поиграем! Вы же должны на прием к доктору придти, он вам назначил!

Рита сквозь слезы улыбнулась.

Тамара схватила упиравшуюся Лизу за руку и быстрым шагом направилась к выходу из парка.

Ночью Рита долго не могла уснуть. Ей очень хотелось раз-

будить маму или бабушку, и спросить, почему она всегда оказывается во всем виноватой? Слезы лились рекой.

Почему мама жаловалась бабушке, что у нее от Риты болит голова? Почему мама говорила, что у нее болела грудь, когда она кормила Риту грудным молоком? Почему мама жаловалась бабушке, что Рита ей всю жизнь испортила? И почему мама никогда ее не защищала, хотя бы от соседских злых мальчишек? Почему именно Рита всегда во всем виновата?

Тяжелые размышления прервались светлой мыслью о скорой встрече с Лизой, и Рита наконец спокойно заснула.

Но бабушка наотрез отказалась ходить в парк, где гуляют такие нехорошие и больные на голову женщины. Больше они с Лизой не виделись, и Рита скучала. Ей очень хотелось покатать Лялю на коляске, поиграть в доктора, и еще покататься на качелях с подружкой.

Но бабушка больше не водила ее в городской парк и сказала гулять теперь во дворе, где все свои и живут нормальные люди, а не буржуи. Рита с тоской смотрела на улицу через маленькое тусклое окошко.

Вечером она все же решила выйти во двор, но бабушки, сидевшие на скамейке, тут же начали совать ей в рот шоколадные конфеты, приговаривая:

— Вот же какая девочка красивая родилась! Это же надо — уродиться такой красавицей. Настоящую куклу Елена родила!

Рита знала, что мама придет с работы и с самого порога начнет злиться на бабушку:

— Опять Ритка конфеты во дворе ела? Снова я для вас буду ужин готовить, который никто есть не будет?

Мама и бабушка постоянно ссорились, почти каждый день. Рита старалась закрывать уши и глаза, чтобы не слышать и не видеть их перепалок.

Конечно, в их дворе были другие дети, но Рита не хотела с ними играть. Она тяжело вздохнула, и медленно и угрюмо поплелась домой, спрятав конфеты в кармашек поношенного платица.

— Бабушка, почему у Лизы есть няня? — спросила она дома. — Лиза ведь уже большая, она сама может гулять.

— Есть богатые, а есть бедные, — просто объяснила бабушка. — Мы с тобой, Рита, бедные, а Лиза со своим папой директором, фифой мамашей и безмозглой дурой нянькой — богатые. Их водитель на машине возит, они ножками, как обычные люди, ходить не могут и не хотят.

— А мы с тобой можем! — весело сказала Рита. — Мы с тобой ножками куда угодно дойти можем! Да? Сходим завтра в парк погулять?

— Ах ты, хитрая лиса! — засмеялась бабушка. — Нет, так далеко не пойдем, это у тебя ножки молодые, а мои уже еле ходят. Иди во дворе погуляй!

— Я уже гуляла, там неинтересно, — Рита обиженно усе-
лась на свою кровать и уставилась в окно. Пейзаж за окном

за это время несколько не изменился, все такой же безрадостный.

Мама, как обычно, домой пришла поздно, уставшая и злая. Рита уже лежала в своей постели, за ситцевой занавеской, когда услышала громкий разговор.

— Вот скажи мне, что столько времени на вашей работе можно делать? — спросила бабушка. — За ребенком совсем не смотришь. Зачем было рожать, если мать из тебя никудышная?

— У меня партсобрание было, кто-то же должен деньги зарабатывать и о карьере думать, — огрызнулась мама.

— Знаем мы ваши собрания. Жила бы с мужем, не надо было бы работать каждый день допоздна, — бабушка каждый раз заводилась, и снова повторялась одна и та же песня.

— Мама, не начинай! — сказала мама. — Смени уже пластинку. И давай потише говори, а то ребенок услышит.

Дальше они перешли на шепот, и Рита больше ничего интересного не услышала.

На следующий день, когда бабушка забрала ее из садика, Рита спросила:

— Бабушка, а почему у всех есть папы, а у меня нет?

— Много будешь знать — скоро состаришься, — сказав это, бабушка сильно дернула ее за руку.

Рита насупилась, ей очень хотелось знать, куда делся их папа, и почему он от них ушел. Не обращая внимания на недовольное ворчание бабушки, она все же решилась спро-

силь:

— Бабушка, а где он, мой папа? Ведь он же был раньше?

— Был — да сплыл, — ответила бабушка. — Хватит мне вопросы задавать, спроси у матери своей. Если, конечно, ее дома когда-нибудь застанешь.

Рите стало обидно за маму, и она сказала:

— Мама хорошая. Почему вы все время ссоритесь?

По тому, как бабушка тяжело вздохнула, Рита поняла, что продолжать разговор она не намерена.

— Сильно ты, Ритка, любопытная. Столько вопросов задаешь, у меня столько ответов нет. Давай лучше, в библиотеку тебя запишем, будешь в книжках все ответы находить? — предложила она, и тяжело вздохнула:

— Может, книжки тебя объяснят, что в мире справедливости нет, а то у меня не получается.

Пейзаж за окном не менялся, но сама Рита менялась стремительно. Слово «библиотека», которое бабушка употребила как оправдание, стало их общим ритуалом. Каждый поход за книгой стал для Риты путешествием в другой мир, где не было коммуналки, вечно уставшей мамы и обидного чувства, что она какая-то «не такая».

Сначала были просто картинки и бабушкино чтение на ночь. Но вскоре, водя пальцем по строчкам, Рита вдруг почувствовала, как мир вокруг затих, а буквы сами собой сложились в слово «МА-МА». Она произнесла его вслух, удивленно замолчала, а бабушка, помешивавшая омлет на сковоро-

роде, обернулась и улыбнулась — впервые за долгое время.

С того дня Риту было не оторвать от книг. Она читала за-поем, захлеб, проглатывая страницу за страницей, и вскоре детских сказок ей стало мало. История о Золушке казалась ей горькой правдой, а не вымыслом, и она ждала своего принца. Только принцем этим была новая жизнь. Жизнь, которая, как ей тогда казалось, начнется ровно первого сентября, когда Рита, нарядная и начитанная, войдет в двери своей первой школы.

Бабушка даже стала меньше пить, и теперь, вместо того чтобы сидеть с собутыльниками за деревянным столом во дворе, готовила Рите на ужин омлет. А поздним вечером, пока ждали маму с работы, они играли в лото. Рита научилась хорошо считать и знала уже все цифры и буквы. Она дожидаться не могла, когда уже пойдет в школу и начнет учиться там всему новому и интересному

Глава 3. Школа

Наступил долгожданный день 1 сентября.

Рите было очень интересно, как там будет в школе. Благодаря бабушке, она довольно бегло научилась читать, и, перечитав детские книжки, взялась за небольшие повести и даже романы.

Мама первого сентября работала в утреннюю смену, и в школу Риту отвела бабушка. Она быстро нашла классного руководителя и записала Риту в первый «А» класс.

В стайке стоявших на крыльце возле учительницы детей Рита увидела Лизу, красивую и нарядную, в белом кружевном переднике и с уложенными волосами. Она удивилась встрече со старой подругой, и жутко обрадовалась.

Лиза тут же подошла и, как в детстве, взяла Риту за руку.

Прозвенел первый звонок, и они парой пошли в свой класс.

Учительница хотела посадить Риту за вторую парту, а Лизу за первую, но Лиза твердо сказала:

— Мы с Ритой будем сидеть вместе. Посадите нас вдвоем за первую парту!

А потом, как взрослая, важно добавила:

— Этот вопрос не обсуждается.

Учительница легко согласилась. Рите показалось это странным, но она подумала:

— Вот повезло мне с подружкой! Лиза ничего не боится и говорит как большая.

На первом уроке они успели только познакомиться с учительницей Марией Валерьевной и другими ребятами. Им рассказали, что такое звонок с урока и на урок, и что в классе нужно сидеть тихо, слушать учителя, и не болтать по пустякам.

— А на перемене можно бегать? — спросил один из мальчиков, стриженный белобрысый Алешка.

— Можно, — улыбнулась классная Мария Валерьевна. — Только в пределах разумного, конечно. И ни в коем случае не толкаться и не сбивать друг друга с ног.

Рита хотела спросить, что означает выражение «в пределах разумного», но не успела. Она встала из-за парты, и ее тут же чуть было не сбили с ног устремившиеся к дверям одноклассники.

А после пролетевшей как один миг перемены классная сказала:

— А сейчас к нам придет завуч, скажет вам несколько напутственных слов.

В кабинет вошла модно одетая женщина с высокой прической, в которой Рита с удивлением узнала Лизину маму. Ей показалось, что Ирина Евгеньевна изменилась в лице, увидев сидевших за одной партой девочек.

Но она держала марку, и напыщенно произнесла торжественную речь, а потом пожелала детям хороших отметок.

— Вы должны благодарить нашу страну за то, что вам дана возможность учиться и приобретать профессию, для вас созданы все условия. Раньше у детей такой возможности не было, а некоторые и сейчас живут в ужасных условиях, и не хотят учиться в школе.

При этих словах Ирина Евгеньевна посмотрела прямо на Риту. Рита съежилась, ей захотелось выскользнуть из кабинета.

Окинув еще раз недобрым взглядом подружек, и буквально пригвоздив Риту взглядом к деревянной поверхности парты, Ирина Евгеньевна величественно выплыла из кабинета.

Рита расстроилась, и растерянно оглянулась назад — видел ли кто-нибудь минуты ее позора. С задней парты, из-за плеча вертлявого Алешки, на неё смотрел белобрысый мальчик Андрей. Он не смеялся вместе со всеми, не шептался с соседом по парте. Он просто смотрел — и в его светлых глазах стояла такая жалость, что, встретиться Рита с ним взглядом, ей стало бы ещё больнее. Но она не встретилась. Она вообще редко смотрела на задние парты.

Андрей опустил голову и принялся что-то рисовать на полях тетради. Но ещё долго его уши горели — то ли от стыда за неё, то ли от своей собственной беспомощности.

Риту после школы встретила бабушка. А за Лизой подъехала черная «Волга» с водителем. Водитель вышел из машины и открыл дверь, пропуская Лизу внутрь блестящего мон-

стра. Лиза через стекло помахала Рите рукой. Другие дети восхищенно смотрели на сверкающую машину.

Через месяц Рита поняла, что никто из класса не умеет читать и считать так хорошо, как она. Но ее не вызывали к доске и не хвалили, хотя она с завидным постоянством тянула руку и просила ее вызвать.

— Рита, будь скромнее, — сказала Мария Валерьевна. — Другие детки тоже хотят ответить, мы же не можем постоянно одну тебя слушать.

Зато Лизу хвалили за все, что бы она ни сказала, и как бы ни ответила, даже если она несла откровенные глупости.

Рита снова начала тянуть руку, пытаясь заслужить похвалу учительницы. Но ее почему-то только ругали. И после нескольких попыток она перестала привлекать к себе внимание, стараясь сидеть безмолвной и незаметной мышкой.

Тяга к учебе к новому году у нее пропала окончательно. Рита никак не могла понять, почему Лизу все время хвалят, а ее постоянно ругают. Рите расхотелось учиться. Совсем.

Однажды на уроке физкультуры, когда дети парами заходили в зал, Рита вдруг остановилась возле Алешки — того самого белобрысого мальчика, что вечно вертелся на задней парте. Он как раз хвастался перед другими мальчишками, что сейчас залезет на самый верх шведской стенки и спрыгнет.

— Не прыгай, — тихо сказала Рита, ни к кому конкретно не обращаясь. — У тебя шнурок развязан. Зацепишься

и упадёшь.

Алешка скорчил рожу, но другие мальчишки заржали. Кто-то крикнул:

— Алешка, тебя девчонка учит!

Он, разумеется, не послушался. Дёрнул плечом и полез наверх. Спрыгнул он всё-таки — только не так, как хотел. Шнурок зацепился за нижнюю перекладину, Алешка дёрнулся, потерял равновесие и рухнул на мат, ударившись локтем. Ничего страшного, даже синяка не осталось, но физрук накричал на него за баловство, а Ленка Сорокина тут же зашептала: «Смотрите, Ритка же говорила ему!»

Рита сама испугалась. Она не знала, откуда это взялось — просто заметила развязанный шнурок и подумала о самом очевидном. Но Ленка уже смотрела на неё с каким-то новым, оценивающим интересом.

К счастью, уже через пару дней об этом забыли. Слишком много было других событий — подготовка к Новому году, репетиции, предвкушение каникул. Но Ленка, как выяснилось позже, не забыла.

Бабушка только удивлялась, почему внучке, такой умнице, не ставят пятерок, и однажды Рита услышала разговор бабушки и мамы.

— Ты, наверное, виновата, что эта змея, жена вашего директора, ненавидит Риту? — спросила бабушка у мамы. — Такой талантливый ребенок, а из-за этой крашеной кобры совсем учиться перестал. Конечно, в их руках и власть, и

деньги. Поговорила бы с директором, а то за бедную Ритку и заступиться некому. Мужа-то профукала, мозгов у тебя нет.

Мама заплакала и резко ответила:

— Мама, не начинай! Что ты хочешь сказать? Все время обвиняешь меня в том, что я одна, что муж нас бросил и ушел. Я что могу сделать?

— Не ушел бы, если бы мозги у тебя были, — зло ответила бабушка.

Рита никогда не могла спокойно выносить маминых слез. Ей стало очень обидно за маму, и с того самого дня она начала тихо ненавидеть бабушку.

Теперь она часто думала о том, почему папа их оставил. Она не сказала ни бабушке, ни маме, что хорошо помнила тот последний раз, когда она видела своего любимого папочку, ведь ей тогда было уже четыре года.

И она хорошо знала, что папа ее обожал и все время называл своей малышкой. Он сам всегда забирал ее из садика, приносил что-нибудь вкусное. Она всегда знала, что он ее очень любит, и всегда о ней заботится.

А в тот ужасный день папа взял ее на руки и сказал:

— Малышка, мы с твоей мамой больше не можем жить вместе. Я ухожу. Прости меня. Но я тебя очень люблю, и всегда буду любить. Дочка у меня одна. Ты, Ритуля, мое счастье, моя радость, моя любовь. Помни всегда об этом, хорошо? Ты всегда будешь в моем сердце, а я буду в твоём. Просто помни, что я тебя очень-очень люблю, и всегда думаю о тебе.

Боль от ухода папы с того самого дня жила в ней постоянно, может быть, именно поэтому она так отчаянно цеплялась за маму, когда мама уходила. Больше всего на свете Рита боялась, что в один ужасный день и мама так же внезапно исчезнет навсегда.

В школе на перемене, когда гул голосов метался под высокими сводами коридора, а воздух был пропитан запахом мела и мандаринов, Лиза, поправляя блестящую заколку в волосах, небрежно сказала:

— Рита, я приглашаю тебя на Новый год к нам домой. Будет настоящий бал!

Рита замерла, теребя край белого кружевного фартука. В груди у нее что-то сладко сжалось, но тут же холодок тревоги пробежал по спине.

— Ой, Лиза, я даже не знаю. А твоя мама не будет против? — обеспокоенно спросила она, глядя куда-то в сторону, на трещину в стене. — Они меня не очень любят, твои родители.

— Да ты что, Рита! — Лиза беззаботно тряхнула головой, и ее идеально уложенные локоны качнулись, как театральный занавес. — И мама, и папа всегда выполняют все мои желания. Если уж я захотела пригласить тебя, значит, они будут очень рады.

Но дома, в тесной комнате, пропахшей старыми вещами и папиросным дымом, эти слова рассыпались в прах. Бабушка, сидевшая у окна и штопавшая чулок, только поджала тонкие

губы, а мама, устало помешивая суп в облупленной кастрюле, тяжело вздохнула:

— Не надо тебе к ним ходить. Гусь свинье не товарищ.

Рита переводила взгляд с бабушки на маму, чувствуя, как внутри закипает непонятная обида. Ей казалось, будто ее, легкую и счастливую, внезапно окунули в мутную воду.

— А что это такое — гусь свинье не товарищ? Что означает эта пословица? — удивленно спросила она, и голос ее дрогнул.

— Это значит — они баре и бояре, а мы у них на побегушках, — отрезала мама, с грохотом опуская крышку на кастрюлю.

Слово было колючим, непонятным и обидным.

— А что такое «на побегушках»? — тихо, но упрямо спросила Рита, пытаясь поймать мамин взгляд.

Бабушка с мамой переглянулись — быстро, тревожно, словно сообщницы, которых застали врасплох. Бабушка, поправив сползающие на нос очки в железной оправе, стукнула вязальным крючком об стол и сказала нарочито строгим голосом:

— Сильно ты любопытная, Маргарита. Я тебе книжки для чего из библиотеки беру? Иди в постель, почитай перед сном! Там умные люди за тебя все уже придумали.

Рита послушно юркнула под колючее шерстяное одеяло, но сон не шел. За тонкой стеной, оклеенной пожелтевшими обоями, сначала было тихо, а потом звуки стали проби-

ваться, как вода сквозь прохудившуюся крышу. Она услышала, как мама и бабушка снова заговорили, и звук их голосов был похож на шипение раскаленного утюга. Рита, стараясь не скрипнуть пружинами старой кровати, сползла на холодный пол и на цыпочках подошла к двери, припав ухом к тонкой фанерной щели.

Бабушка, стараясь приглушить голос, но срываясь на свистящий шепот, прошипела маме:

— Что же ты правду дочке не расскажешь? Так и будет она в небесах витать, пока нос об землю не расшибет!

— Мама, не начинай! — голос матери звенел от напряжения, как слишком сильно натянутая струна. — Только не сегодня.

— Нечего было рожать ребенка, если заниматься им не можешь! — в голосе бабушки прорезался металл, тот самый, от которого у Риты всегда начинали холодеть ладони. — Сдала дочку на руки мне, а сама...

— Если бы ты не пила, я бы не собиралась уйти от тебя и выскочить замуж в восемнадцать лет! — взорвалась мама. Голос ее задрожал от давней, запрятанной глубоко внутрь боли. — Думаешь, легко с тобой жить? По струнке ходить, каждую копейку в кулаке прятать? Да я не только замуж, я в проститутки бы пошла, хоть на панель, лишь бы от тебя подальше!

Спор разгорался, как сухой хворост, брошенный в печку. Слова сталкивались, трескали, и вдруг бабушка в пылу ссоры

выкрикнула так громко, что Рита отшатнулась от двери, как от удара:

— Шлюха! Шалава!

Эти грубые, незнакомые слова хлестнули по лицу, по глазам, по сердцу. Рита не знала их значения, но ей стало больно и неприятно, до слез обидно за маму. Эти слова были гадкими, грязными и злыми, их хотелось немедленно стереть из памяти.

Мама подошла к ее кровати и тихо села на уголок. Рита закрыла глаза, сделав вид, что давно спит, и ничего не слышала.

Мама долго сидела неподвижно, а потом начала плакать навзрыд.

— Бедная моя девочка! И зачем ты только родилась на свет? — говорит мама сквозь рыдания.

— Всю жизнь будешь в этой коммуналке жить, никто тебе не поможет, — горестно повторяет мама. — Не общалась бы ты лучше с богатыми подружками.

Рита хотела бы ее успокоить, но совершенно не понимает, как это сделать.

Она всегда сильно переживает, когда бабушка с мамой начинают ссориться и говорить на повышенных тонах. С этого самого дня, услышав громкий разговор самых любимых своих людей, мамы и бабушки, она сразу же забивается в свой уголок, который ей выделили специально для школьных уроков.

В ее уголке стоит маленький квадратный письменный столик из старого дерева и тумбочка с двумя отделениями. В первом отделении хранятся Ритины учебники, а во втором — школьные тетради. Одну тетрадь Рита завела для своих рисунков. Не то, чтобы она любила рисовать, просто ей понравилось делать зарисовки из школьной жизни.

Красивая Лиза отчего-то получалась на ее рисунках несколько карикатурной и вульгарной, губы у нее были увеличены, а роскошные густые темные волосы напоминали паклю.

Бабушка дала из пенсии денег, чтобы мама купила Рите платье, специально на Новый год. Деньги были отложены в жестяной коробочке из-под монпансье, которую бабушка хранила в комодe под стопкой застиранных наволочек. Когда она выудила ее на свет и отсчитала хрустящие купюры — три красненькие и одну сиреневую, с Лениным и Спасской башней, — Рита замерла. Ей вдруг стало неловко и тревожно: она видела, как бабушка дрожащими пальцами перебирает деньги, которые, наверное, откладывала не один месяц, экономя на молоке и сахаре.

— Бабушка, может, не надо? — тихо спросила Рита, тебя пуговицу на кофте.

— Надо, Маргарита, надо, — отрезала бабушка, и в ее голосе слышалась странная смесь суровости и нежности. — Пусть хоть раз в году моя внучка будет не хуже людей.

В ближайшую субботу они с мамой отправились в центр

города. Утро выдалось морозным, солнечным — такое бывает в декабре, когда небо похоже на выцветший голубой шелк, а снег под ногами не скрипит, а звенит, будто идешь по битому стеклу. Рита шла, крепко держа маму за руку, и вглядывалась в витрины — запотевшие изнутри, украшенные бумажными снежинками и ватными Дедами Морозами с красными носами. Мимо проезжали автобусы, облепленные инеем, прохожие спешили с авоськами, из которых торчали елочные лапы и бутылки «Советского шампанского». В воздухе пахло морозной свежестью, бензином и чьими-то пирожками с капустой, которые продавали на углу у гастронома.

Ателье находилось на втором этаже старого купеческого особняка. Когда они поднялись по скрипучей деревянной лестнице с резными перилами, Рита замерла на пороге. Здесь всё было не так, как дома или в школе. Пахло горячим уютгом, мелком для раскроя и чем-то тонким, душистым — не то духами, не то дорогим мылом. Стены были обиты тканью в мелкий цветочек, под потолком висела хрустальная люстра, а в углу стояли манекены с отбитыми носами, но все равно гордые, словно королевы в изгнании.

Приемщица — крупная женщина с гладко зачесанными волосами и сантиметровой лентой, небрежно висящей на шее, — оглядела Риту с ног до головы. Взгляд у нее был оценивающий, как у хозяйки овощного ларька на рынке.

— На Новый год? — уточнила она, шелкая по столу большими портновскими ножницами. — Есть бархат, вельвет,

кримплен. Что хотите?

Мама замялась. Рита видела, как она нервно перебирает в руках те самые купюры из бабушкиной коробочки.

— Что-нибудь нарядное, — тихо проговорила мама, отводя взгляд. — Чтобы моя дочь была красивой.

Приемщица хмыкнула, достала с полки рулон переливающейся ткани — серебристой, с едва заметным голубоватым отливом.

— Органза с лавсаном. Остатки от свадебного заказа. Недорого возьму.

Мама кивнула. Риту поставили на низенькую скамеечку, и приемщица принялась обмерять ее сантиметром — быстро и ловко. Сантиметр холодком скользнул по спине, опоясал талию, лег на плечи. Мама стояла в сторонке, прижав руки к груди, и смотрела на дочь каким-то новым, сосредоточенным и чуть печальным взглядом, будто старалась запомнить этот момент и сохранить его в памяти.

— Готово будет через неделю, — бросила приемщица, записывая что-то в клеенчатую тетрадь.

Через неделю они снова пришли вдвоем — мама и Рита. В пакете, переложеном папиросной бумагой, лежало готовое платье. Дома Рита надела его, и мама ахнула. Она даже всплеснула руками и прижала их к губам, словно боялась спугнуть видение. Платье оказалось длиной чуть ниже колена, с пышной юбкой-солнцем, которая при малейшем движении взлетала вверх, открывая кружевной подъюбник из неж-

нейшего тюля. Лиф был расшит крошечными серебристыми пайетками, сверкающими под светом старой лампочки. Рукава-фонарики мягко ложились на плечи, а на талии красовался бант из той же сияющей ткани.

Бабушка открыла рот от изумления и восхищенно сказала:

— Королева Марго!

Она велела Рите повернуться вокруг своей оси. Рита повернулась — сначала медленно, потом быстрее, и юбка разлетелась колоколом, а пайетки заплясали в тусклом свете, отбрасывая на обои солнечные зайчики. Мама молча улыбалась. Бабушка, поджав губы, смахивала что-то с ресниц.

— Ну вот, — сказала она сдавленным голосом, — теперь ты у нас настоящая принцесса. Иди, посмотришь в большое зеркало в коридоре.

В коридоре коммуналки висело старое, в облупленной раме, зеркало, возле которого вечно толклась соседка Клавдия со своими кошками. Сейчас оно было свободно. Рита подошла и замерла. Из мутноватой, подернутой временем глубины на нее смотрела девочка, которую она не сразу узнала. Серебристая ткань струилась и переливалась в скупом электрическом свете, как расплавленная луна. Пайетки вспыхивали крошечными звездочками. Бант на талии сидел ровно и торжественно, а пышная юбка делала ее саму похожей на фигурку из музыкальной шкатулки. Рита повернула голову — незнакомка в зеркале повернула тоже. Приподняла руку

— та повторила жест.

— Это я? — прошептала Рита, не веря своему отражению.

— Это правда я?

Отражение беззвучно шевелило губами. Глаза у Риты сияли.

Сейчас она была абсолютно счастлива. Ей казалось, что теперь-то всё изменится, что в этом платье она войдет в Лизин дом как равная, что даже Ирина Евгеньевна посмотрит на нее по-другому.

Наступил последний день декабря. Утром зарядил снег — крупный, пушистый, сказочный, он укутал провода и карнизы белым мехом. К обеду небо прояснилось, и солнце заиграло на свежих сугробах так, что смотреть на улицу без слез было невозможно. Рита с самого утра ходила сама не своя, то и дело поглядывая на вешалку с платьем, висевшую на дверце шкафа. Мама дважды проглаживала бант, а бабушка наказывала:

— Смотри там, Маргарита, веди себя прилично. Со стола все не хватай, ни с кем про политику не разговаривай.

— Бабушка, какая политика! — смеялась мама, но смех у нее был нервный, срывающийся.

За час до назначенного времени Рита начала одеваться. Она натянула новые белые колготки (тоже из бабушкиных сбережений), мама застегнула на спине молнию и расправила бант. Волосы Рите заплели в две тугие косы и уложили корзиночкой вокруг головы — так, как она видела в журнале

«Работница» на картинке с новогодними прическами. Мама капнула ей за уши капельку духов «Быть может» — совсем чуть-чуть, из заветного флакончика, который хранился для особых случаев. Теперь от Риты пахло не подгорелым маслом и старыми вещами, а ландышами и чем-то неуловимо взрослым.

— Ну все, иди, моя хорошая, — сказала мама, и легонько подтолкнула к выходу.

Рита вышла из подъезда, и холодный воздух обжег щеки. Снежинки тут же запутались в ее корзиночке из кос, и она, смеясь, отряхнула их ладонью. На душе было радостно и страшно одновременно.

Она шла по вечернему городу, и прохожие оглядывались на маленькую девочку в серебристом платье, которая одна, без взрослых, шагала по заснеженным улицам, высоко поднимая голову. В автобусе на нее уставилась старуха в пуховом платке и долго качала головой, то ли осуждая, то ли восхищаясь. Рита ехала, прижавшись лбом к холодному стеклу, и представляла, как сейчас войдет в Лизин дом.

Дом Лизы она нашла не сразу, хотя адрес знала наизусть.

Рита долго стояла перед массивной кованой калиткой, не решаясь войти. В окнах первого этажа горели разноцветные гирлянды — не бумажные, как у них в школе, а настоящие, электрические, с цветными лампочками в виде шишек и сосулек. У кованых ворот стояли две черные «Волги», а на снегу, возле самого крыльца, валялась оброненная кем-то ело-

вая ветка с остатками серебряного дождика.

Она глубоко вздохнула, пытаясь унять волнение: сердце колотилось, ладони вспотели.

Лиза, заметив подругу через окно, выбежала навстречу и распахнула калитку:

— Ритка! — взвизгнула Лиза и бросилась обниматься. — Ты пришла! Какое платье! Иди сюда!

Рита неуверенно шагнула на выложенную мраморной плиткой дорожку, присыпанную свежим декабрьским снегом.

Войдя в дом, она замерла в просторном холле. Над головой переливалась огнями огромная хрустальная люстра, стены украшали картины в золоченых рамах, а под ногами лежал ковер с таким длинным ворсом, что в нем почти утопали ботинки.

На Лизе было облегающее платье в черно-белую полоску — тигриные полосы, модные в этот год. Полоски змеились по ткани, сходились и расходились, создавая ощущение движения. Декольте украшала брошь в виде тигриной головы с зелеными камушками вместо глаз. Волосы Лизы были уложены в высокую прическу, перевитую золотистым шнуром. Она была ослепительна.

А самое главное — в прихожей толпились гости, девочки и мальчики из их класса и каких-то других, незнакомых классов, и все они были одеты в полоску. У кого-то — полосатое платье, у кого-то — рубашка в тигриную клетку, у

кого-то — хотя бы галстук или лента в волосах. Они стояли стайкой, как стая нарядных зебр, и смотрели на Риту.

На мгновение в прихожей повисла тишина — та неловкая, звонкая тишина, когда все разом понимают, что что-то пошло не так.

Рита замерла на пороге в своем серебристом платье, сияющем, как осколок луны, и вдруг почувствовала себя голой. Чужой. Лишней. Белой вороной, которая по ошибке залетела в стаю попугаев.

— Ой, — вырвалось у кого-то из девочек.

Ирина Евгеньевна выплыла из гостиной — в длинном вечернем платье с леопардовым принтом, с массивными золотыми серьгами в ушах. Она окинула Риту быстрым, как удар хлыста, взглядом — от корзиночки из кос до новеньких белых колготок, — и ее губы сжались в тонкую линию.

У Риты что-то неприятно кольнуло в груди.

— Ах, это та самая Рита, — произнесла Лизина мама таким тоном, будто ей только что сообщили о неожиданной поломке водопровода. — Лиза, проводи подругу в зал.

Но Лиза уже тащила Риту за руку в гостиную, не дав ей опомниться.

Рита оглушенно озиралась по сторонам. Всё вокруг было красивым и дорогим. Все сияло: на потолке висела хрустальная люстра, каждая подвеска которой дрожала и переливалась от музыки, льющейся из японского магнитофона.

Посреди зала стояла ель — высокая, под потолок, укра-

шенная не бумажными флажками, а стеклянными шарами, серебристыми сосульками и гирляндой, которая мигала в такт музыке. Под елкой лежали горы подарков в блестящей обертке, перевязанные атласными лентами.

У стены был накрыт стол: бутерброды с красной икрой, салат оливье в хрустальной вазе, копченая колбаса, нарезанная прозрачными кружочками, и целая батарея бутылок лимонада «Буратино» и «Тархун». Ей казалось, что даже воздух здесь другой — пахнет мандаринами, духами и еще чем-то, что Рита не могла определить. Может быть, запахом богатства.

— Девочки, смотрите, какое у Риты платье! — громко объявила Лиза, выводя подругу в центр зала. — Как у Снежной королевы! Правда, красиво?

Гости закивали. Кто-то из мальчиков присвистнул. Но Рите казалось, что все взгляды колючие, оценивающие, и каждый сейчас думает: «А почему она не в полоску? Почему она не знала? Неужели ей никто не сказал?»

Весь вечер Рита просидела на краешке дивана, обитом светлой, чуть скользящей тканью. Она старалась занимать как можно меньше места. Ей казалось, что серебристое платье кричит, привлекает к себе внимание, и она инстинктивно поджимала ноги и теребила бант. Лиза, добрая душа, то и дело подбегала к ней, тащила танцевать, угощала лимонадом, устроила конкурс на лучший наряд и громогласно объявила победительницей Риту. Ей даже вручили приз — шо-

коладного Деда Мороза в золотой фольге.

Но это было похоже на милостыню. Рите казалось, что даже шоколадный Дед Мороз смотрит на нее с укоризной: «Что ты здесь делаешь, девочка? Ты белая ворона. Твое место не здесь».

Она видела, как Ирина Евгеньевна, проходя мимо с бокалом шампанского, бросила на нее еще один взгляд — скользкий, брезгливый, словно на муху, севшую на край стола.

Когда за окном грохнули первые петарды, а гости бросились на улицу смотреть фейерверк, Рита незаметно встала и подошла к окну в углу гостиной. За стеклом, в темном морозном небе, рассыпались разноцветные искры — красные, зеленые, золотые. Они вспыхивали и гасли, отражаясь в ее серебристом платье. Ей вдруг вспомнилась мама, ее заплаканное лицо, бабушка с вязальным крючком, их тесная комната, пропахшая подгорелым маслом. И ей страшно захотелось домой. Не в этот сверкающий зал, а туда, где всё понятно, где нет этих оценивающих взглядов, где она не белая ворона, а просто Рита.

Она еле дождалась, когда праздник закончился.

Когда гости начали расходиться, а Лиза в прихожей прощалась с каждым, раздавая фанты и конфетти, Рита тихо выскользнула за дверь. Она спускалась по мраморной лестнице, и ее серебристая юбка подметала ступеньки, а пайетки на лифе вспыхивали в такт шагам под светом уличного фонаря.

На улице снова пошел снег — мелкий, сухой, колючий.

Рита запрокинула голову и долго стояла, глядя в черное небо, откуда сыпались на землю мириады снежинок. Они падали на ее лицо, на голые руки, на пышную юбку. Она стояла одна в пустом заснеженном дворе, маленькая серебристая фигурка среди белого безмолвия. И никого не было рядом, чтобы сказать ей, красива она или нет, правильное ли на ней платье и кто она такая на самом деле.

После праздника она с ужасом ждала, что Лиза обидится на нее и перестанет с ней дружить. Но после Нового года девочки еще больше сдружились, не расставались ни на уроках, ни на переменах.

А однажды вечером раздался требовательный звонок в дверь. Мама открыла дверь, и оказалось, что это пришла Лизина мама, Ирина Евгеньевна.

Рита подошла к своей двери, чтобы подслушать разговор.
— Я не хочу, чтобы наши дочки дружили, — сказала Ирина Евгеньевна строгим голосом. — А если быть точнее, я категорически против их дружбы.

Мама пыталась сохранять хладнокровие и не вступать в споры, которые, как она хорошо знала, добром не заканчиваются. Но все же не выдержала.

— Не всем суждено родиться с серебряной ложкой во рту, — как можно спокойнее ответила она.

— Вы прекрасно знаете, что дело совсем не в этом.

Лизина мама сморщила нос от брезгливости, осмотрев окружающую обстановку:

— Я промолчу о том, в каких условиях живет ваша девочка. Вы и сами прекрасно знаете, что им не нужно так тесно общаться.

Мама ничего не ответила.

А перед уходом Ирина Евгеньевна сказала:

— Если вы хотите, чтобы у вашей девочки было будущее, вы должны запретить ей дружить с моей дочерью.

— А вы, конечно, считаете, что у нас по-прежнему работодельческий строй, и вы здесь хозяева жизни, а мы ваши рабы? — вопросом ответила Ритина мама.

Ирина Евгеньевна ушла, громко хлопнув дверью. Прислонившись к стене, Рита закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Глава 4. Синий чулок

После ухода Лизиной мамы в коридоре еще долго висел запах ее духов — сладкий, удушающий, чужой, который, казалось, пропитал даже пыльные половицы и старые обои. Рита забилась в свой угол, села на скрипучий венский стул и прижалась щекой к прохладной столешнице. За окном моросил мелкий, нудный дождь, и капли, срываясь с карниза, монотонно барабанили по жестяному отливу, словно отсчитывая секунды ее невесёлых мыслей.

Она думала о том, почему они так плохо живут. Нет, не так: почему ощущение этой «плохости» вползло в их дом и поселилось здесь прочно, как запах подгорелого масла, который не выветрить никаким сквозняком. Умом Рита понимала: соседи по коммуналке — например, вечно пьяный слесарь дядя Коля или старуха Клавдия с её тремя кошками и вечной кастрюлей пустых щей — живут ещё хуже. Они даже завидуют. Она сама слышала, как Клавдия шипела вслед маме: «Ишь, в ателье ходят, платья к Новому году шьют... Баре!» Но от этого «превосходства» Рите почему-то становилось только гаже, будто ее, чистую и нарядную, обмакнули лицом в чужое грязное бельё.

Ещё непонятнее было то, почему Ирина Евгеньевна так сильно не хочет, чтобы они с Лизой дружили. Да она просто в лице меняется, когда видит девочек вместе. Перед внутрен-

ним взором Риты тут же всплыл образ завуча: высокая причёска, похожая на застывшее безе, острый нос и маленькие, всегда презрительно сощуренные глаза. Сейчас эта женщина брызжет ядом, как ядовитая кобра. Рита представляла, как та нашептывает Лизе что-то злое, пытаясь очернить подругу.

Был, впрочем, один случай, о котором Рита никому не рассказывала, но который соседи помнили хорошо. Она училась тогда классе в третьем и возвращалась из школы одна. На лестничной клетке их третьего этажа сидел Вовка — сын вечно пьяного слесаря дяди Коли. Мальчишка горько, беззвучно плакал, размазывая сопли по щекам, и прижимал к себе локоть со свежей ссадиной.

— Папка сегодня жутко злой, — прошептал он, завидя Риту. — Сказал, ремень возьмёт.

Рита знала, что такое пьяный дядя Коля. Знала она и другое: на кухне как раз сидит Клавдия — та самая злыдня с кошками, которую во дворе не любили, но которая была ответственной по этажу и имела странную, сварливую власть над местными мужиками. Клавдия могла накричать на кого угодно, и её боялись даже такие отмороженные, как дядя Коля.

— Знаешь что, — сказала Рита, присев рядом с Вовкой на корточках. — Ты сейчас иди к тёте Клавдии. Скажи, что я просила. Скажи, что тебе уроки сделать помочь надо, а папка твой занят. Посиди у неё, пока он не остынет.

Вовка кивнул и убежал. Рита пошла к себе и тут же забыла

об этом разговоре — мало ли, кому она советовала что-то на бегу?

Через неделю она случайно услышала, как Клавдия за чаем рассказывала соседке по коммуналке: «Прихожу, а он, ирод, с ремнём стоит. Я ему: «Ты что ж над дитём измываешься?» А он мне: «Не твоё дело». Но я участковым пригрозила. Живо убрал ремень-то. А Вовка потом и говорит: «Мне Рита сказала к тебе идти». Надоумила девка, шибко умная у Петровны внучка, много видит».

Тогда Рита впервые почувствовала странный холодок в животе. Не гордость, а именно холодок. Она не предсказывала ничего — просто знала, что Вовку бьют, и знала, что Клавдия — единственная, кого слесарь побаивается. Но соседи уже начали поглядывать на неё иначе. С каким-то новым, цепким вниманием, словно прикидывая, что ещё она может заметить.

Сейчас, лёжа щекой на прохладной столешнице и слушая, как моросит дождь, Рита вспоминала тот случай без всякого удовольствия. Она думала о том, как устроен мир взрослых — и школьных завучей в особенности.

Так и Ирина Евгеньевна. Конечно, у неё в школе вся власть. Завуч есть завуч, и учителя подчиняются ей, словно оловянные солдатики в её личной, вылизанной до стеклянного блеска армии. Даже Мария Валерьевна, которая поначалу Рите казалась доброй, теперь при виде Ирины Евгеньевны вытягивалась в струнку и начинала улыбаться слащавой,

зайскивающей улыбкой.

Но этих двоих, Риту и Лизу, никто не мог разлучить. Их дружба была странной, сотканной из противоречий, как лоскутное одеяло, но оттого не менее прочной. Казалось, сама природа, создавшая одну сверкающей бабочкой, а другую — малозаметной ночной молью, теперь посмеивалась над людскими законами.

Время шло, девочки становились старше, и чем сильнее Лиза расцветала внешне, тем очевиднее становилась её внутренняя пустота. К средним классам выяснилось то, о чём Рита и так догадывалась: Лиза ничегошеньки не понимает. Ни в математике, где логарифмы для неё были нагромождением бессмысленных закорючек, ни в химии, где она путала формулу воды с серной кислотой, ни в физике, которая и вовсе представлялась ей тёмным лесом из непроизносимых терминов. Она даже не старалась что-то понять, глядя на доску пустым, отсутствующим взглядом, пока её тонкий пальчик выводил на полях тетради бесконечные узоры. Родители нанимали Лизе лучших репетиторов — седых профессоров с трясущимися портфелями, ученых тётенок с пучком на затылке, но толку от них было, как от козла молока. Лиза смотрела на них с королевской снисходительностью, зная, что деньги решают всё, и через час-другой притворной муки витиевато выпроваживала их вон.

— Рита, ну помоги, а? — тянула она жалобно, и голос её звенел, как хрустальный колокольчик. Она клала свою холё-

ную ладонь с перламутровыми ноготками на руку Риты. — Ну почему я такая глупая? Почему я ничего не понимаю?

И Рита в сто первый раз, с терпением, которое могло бы тронуть камень, объясняла задачу. Она грызла кончик карандаша, чертила стрелочки, рисовала овалы молекул, тихо и внятно диктовала правила правописания. Она решала за Лизу все контрольные, и это стало их общей тайной. Рита быстро научилась подделывать её летящий, капризный почерк — каллиграфический бред, где буквы «т» и «ш» путались в немыслимом танце. Учителя всё знали. Они не могли не знать, видя, как в тетради у главной красавицы школы на контрольной по алгебре внезапно просыпается железная логика, но на следующий день у доски она не может и слова сказать. Но они закрывали глаза на это мелкое преступление. Это пустяк. Несущественная мелочь в великой иерархии, где дочь завуча не может получить «неуд».

Зато когда Лиза входила в двери школы, мир вокруг замирал. Словно по мановению волшебной палочки, все рты открывались, а лица поворачивались в ее сторону. Она несла себя, как драгоценную вазу эпохи Мин. Школьная форма считалась обязательной, но для Лизы законы моды были выше писанных людьми уставов. Она превращала унылое коричневое платье в произведение искусства, подгоняя его по фигуре так, что оно сидело как вторая кожа, или украшая таким воротником, от которого у учительницы домоводства случался нервный тик.

Сегодня она могла прийти на высоких каблуках, цокающих по школьному паркету как холостые выстрелы, и тогда каждый ее шаг отдавался дрожью в душах старшекласников. Завтра — в сверкающей куртке-ветровке, на спине которой извивался огнедышащий дракон, сжимающий в когтях едва прикрытую девицу с разметавшимися рыжими волосами. Послезавтра — с причёской, которая стоила её матери половину зарплаты какой-нибудь уборщицы: на висках выстрижены причудливые зигзаги, а затылок украшен сложным переплетением косичек, напоминающих то ли корону, то ли гнездо диковинной птицы. Ее волосы, густые и темные, то струились шелком по плечам, то были забраны в высокий хвост, перехваченный золочёным шнуром.

Учителя смотрели на это безобразие и молча хватали ртами воздух, словно выброшенные на берег рыбы. Классная руководительница, доведённая до белого каления, однажды попыталась сделать Лизе замечание на линейке:

— Воронцова, ты похожа на рекламную тумбу, а не на советскую школьницу!

Лиза, не моргнув глазом, улыбнулась голливудской улыбкой и сказала четко и громко:

— Чувство прекрасного, к сожалению, не всем даётся природой.

Завуч Ирина Евгеньевна, присутствовавшая при этом, демонстративно отвернулась к окну, делая вид, что изучает полет осенней вороны. Все сходило Лизе с рук. Любая шалость,

любой вызов, любая дерзость оборачивались для нее триумфом, а Рита в такие моменты чувствовала себя серой тенью, синим чулком, который нужен лишь для того, чтобы эта яркая бабочка не свалилась в лужу собственного невежества.

Год шёл за годом. К седьмому классу Лиза расцвела и стала настоящей королевой школы, а Рита всё так же сидела с ней за одной партой — решала задачи, подсказывала на контрольных и оставалась её единственной настоящей подругой.

Кульминацией этого странного союза, его самым ярким и самым позорным воплощением, стал школьный спектакль в седьмом классе. Ставили «Снежную королеву» — выбор пал на эту сказку стараниями Ирины Евгеньевны, которая считала, что роль холодной и величественной королевы идеально подходит её дочери. И она не ошиблась.

Когда Лиза появилась на сцене в сверкающем белом платье, расшитом стеклярусом так, что он колол глаза, в зале воцарилась абсолютная тишина. Она двигалась медленно, чеканя шаг, и её красивое лицо застыло маской высокомерного спокойствия. Это был не талант перевоплощения, а сама суть Лизы, выплеснутая на подмостки.

Рита сидела за кулисами, сжимая в потных ладонях смятый листок с текстом роли Маленькой разбойницы — единственной живой и дерзкой роли в этом ледяном царстве. Она ненавидела и боялась сцены, мечтая только о том, чтобы все поскорее закончилось. И тут случилась катастрофа. В середине второго акта, во время ключевого монолога, где Снеж-

ная королева должна была произнести длинную, полную метафор речь о вечности и ледяном разуме, Лиза запнулась. Она забыла текст. Совсем.

В зале повисла вязкая, как сироп, пауза. Ирина Евгеньевна на первом ряду нервно сжала программку. Лиза стояла, словно прекрасная ледяная статуя, которую забыли надеть даром речи. Её растерянный взгляд заметался по залу, и в этот момент она была не королевой, а испуганной девчонкой, загнанной в ловушку собственным тщеславием. И тогда Рита, повинувшись безотчетному порыву жалости, шагнула из-за кулисы. Она, Маленькая разбойница, которой по роли здесь быть не полагалось, подошла к королеве, взяла её за ледяную руку и, глядя прямо в пустые глаза одноклассницы, громко, четко, слово в слово прочитала забытый монолог. Она читала его как стихотворение, которое знала наизусть — потому что знала его наизусть. Она учила роль вместе с Лизой, как учила с ней все уроки, решала все задачи, брала на себя все её трудности.

Зал, опомнившись, взорвался овацией. Все решили, что так и было задумано — такой авангардный режиссерский ход. Учительница литературы вытирала платком глаза от умиления. Лишь одна Рита, стоя на сцене под светом софитов, чувствовала, как горит лицо. Это был не успех. Это был диагноз. Она, как суфлер в жалкой будке, озвучила пустую оболочку, и теперь это увидели все. Вернее, могли бы увидеть, если бы захотели. Но зал рукоплескал красоте, а не

смыслу.

Только на заднем ряду, в тени, один зритель хлопал не красавице-королеве, а маленькой разбойнице, которая только что подарила ей голос. Андрей знал правду — он всегда сидел достаточно далеко, чтобы видеть то, чего не замечали другие. И его ладони горели от хлопков ещё долго после того, как занавес опустился.

За кулисами Лиза, ещё не снявшая корону, бросилась Рите на шею и расцеловала её.

— Ты моя спасительница! — прошептала она. — Я бы без тебя пропала!

И в этом шёпоте было столько искренней, детской благодарности, что горечь на языке Риты тут же сменилась привычной, удушливой сладостью. Все сомнения Риты отступали именно в такие моменты.

Потому что только наедине, без свидетелей, Лиза позволяла себе быть настоящей — испуганной и глупой девчонкой, которая боится разочаровать свою жесткую и властную мать. Эта сцена стала идеальной метафорой их дружбы: одна всегда на троне, под светом, но немая и пустая, а другая — в тени, но именно её голос наполняет королеву жизнью.

Глава 5. Вещие сны

Рите часто снились вещие сны — не цветные и радостные, а черно-белые, тревожные, словно старая кинохроника. Она жила с постоянным, оставляющим на губах чуть солоноватый привкус, ожиданием неминуемой беды. Свою сверхтонкую, звериную интуицию она распознала рано: слишком уж часто случайные образы из ночных грез — разбитая чашка, крик в пустом коридоре, хлопанье двери — сбывались в реальности.

Был случай, о котором Рита не рассказывала никому — даже бабушке, даже Лизе. В четвёртом классе за соседней партой сидела Таня Ковалёва — тихая, незаметная девочка с вечно растрёпанными косичками. Они не дружили, просто сидели рядом, иногда списывали друг у друга.

Однажды ночью Рите приснился сон. Будто Таня стоит бо-сиком на краю глубокого оврага, а вокруг неё — густой, белёсый туман. И из тумана тянется к ней чья-то рука. Рита проснулась от собственного крика, но, сколько ни вглядывалась в темноту, ничего не увидела.

На следующий день Таня не пришла в школу. Учительница сказала: «Ковалёва заболела». Рита никому ничего не сказала, но внутри у неё всё похолодело. Только через две недели Таня вернулась — бледная, похудевшая. Оказалось, её положили в больницу с тяжёлой ангиной, которая едва не

перешла в острую ревматическую лихорадку. Рита подошла к ней на перемене и вдруг, сама не зная зачем, сказала: «Таня, не ходи больше босиком по холодному. Это может плохо закончиться». Таня удивлённо посмотрела на неё, но кивнула.

После того случая с Таней Ковалёвой в классе стали поговаривать разное. Сначала — шёпотом, за спиной, но со временем всё громче и смелее.

— Она ей тогда сказала: «Не ходи босиком», — округлив глаза, рассказывала на перемене вертлявая Ленка Сорокина. — А Танька в больнице чуть не умерла, находилась по ледяному полу. И никому не рассказывала. Откуда Ритка знала?

— Может, она ведьма? — предположил кто-то из мальчишек, и слово это, страшное и притягательное, тут же прилипло к Рите намертво.

Она и раньше была в классе белой вороной. Тихая, начитанная, из бедной семьи — с ней дружила только Лиза, да и то, как шептались за спиной, из жалости. Но теперь к привычному образу «синего чулка» добавилось что-то новое, пугающее. С Риты как будто слетела невидимая шапка-невидимка, и все вдруг разглядели то, чего не видели раньше: её глаза, слишком серьёзные и внимательные; её молчание, которое теперь казалось не застенчивостью, а скрытностью; её привычку смотреть в одну точку, словно она видит там что-то, недоступное другим.

— Связываться с ней не хочу, — громко сказала как-то

Ленка, когда Рита проходила мимо. — Вдруг она порчу наведёт?

И никто не засмеялся.

Рита сделала вид, что не услышала. Она давно научилась притворяться глухой и слепой, когда речь шла о насмешках. Но в этот раз всё было иначе. В этот раз её боялись. И страх этот, липкий и сладковатый, она почувствовала кожей.

Вечером, лёжа в постели, она впервые позволила себе подумать о том, о чём раньше думать запрещала. Все эти сны, предчувствия, странные совпадения — они множились год от года, и отрицать их становилось всё труднее. Она не была такой, как все. И теперь, когда другие это заметили, она сама уже не могла закрывать на это глаза.

Но что ей было делать с этим знанием? Кому рассказать? Бабушка не поймёт. Мама — тем более. Лиза — поднимет на смех. Она была одна. Совершенно одна — со своей странной, пугающей силой, с которой не знала, что делать.

И впервые за долгое время Рита заплакала — не от обиды, а от страшного, ледяного одиночества, которое вдруг разверзлось перед ней, как глубокая, бездонная яма.

С тех пор Рите ещё несколько раз снились сны о других людях — не такие яркие, не такие страшные, но почти всегда сбывавшиеся. Она никому о них не рассказывала. Просто знала: в ней живёт что-то, чего она сама не понимает.

Но такого Рита не могла бы предвидеть, даже если бы прислушивалась к каждому шороху своей души и безоговороч-

но верила всем своим вещим снам.

Она уже училась в восьмом классе, становилась умнее и понятливее. Глядя на усталое лицо матери, отмечая с горечью то, как бабушка машинально гладит ее по голове после очередной ссоры, она сделала для себя горький, почти взрослый вывод: зря она так люто ненавидела бабушку за вечные ссоры с мамой. Взрослые — они как старая мебель, разошедшаяся и скрипучая, их не переделаешь. Приходится мириться с их трещинами и изъянами, просто стараясь не пораниться об острые углы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.